

Небо: связь и переклички (В.В. Маяковский, О.Э. Мандельштам)

Im Beitrag werden die allgemeinen Eigenschaften, die für das Konzept des Himmels in den Texten von Osip Mandel'stam und Vladimir Majakovskij charakteristisch sind, beschrieben und die These aufgestellt, nach der die Ähnlichkeit des Konzeptes bei beiden Schriftstellern darauf beruht, dass sich beide Autoren vom Symbolismus abwenden und sich an den gleichen Quellen orientieren.

The general characteristics related to the concept of the sky in the lyrics of O. E. Mandelstam and the work of V. V. Mayakovsky are considered. It is argued that the basis of this generality is the repulsion of these authors from symbolism, as well as orientation to the same sources. The case of almost complete coincidence of the image of the sky in the studied material is highlighted. It is explained by V. V. Mayakovsky's acquaintance with the work of O. E. Mandelstam.

Разница между творчеством О.Э. Мандельштама, как представителя акмеизма, и В.В. Маяковского, как представителя футуризма, очевидна. Например, С.С. Аверинцев отмечает утопизм футуристов и антиутопизм акмеистов (ср. Аверинцев 2011: 61).

На общность образов повлияло наследие предшественников – символистов. Известно, что ранний О.Э. Мандельштам был близок к символизму (например, посещения «Башни» Вяч. Иванова); акмеисты строили свою программу, отталкиваясь от символизма, модифицируя его. С.С. Аверинцев сближает футуризм и символизм, основываясь на переосмыслении феномена

соборности, который вел к утрате личного начала, и ссылается на Н.Я. Мандельштам, представлявшую футуризм как продолжение дела символизма (ср. Аверинцев 2011: 61). Похожие мысли находим у М. Вайскопфа, который назвал футуризм «магически-материальной профанацией символизма» (Аверинцев 1997: 16). Это, действительно, пародия на мистицизм символистов, проявившийся, например, у В.В. Маяковского в олицетворении вещей, антиэстетизм, урбанизм. Пародирование встречалось в поведении и во внешности футуристов, опирающихся на предшествующее поколение. В.Н. Терехина замечает, что «основы русского футуризма намечались его главными оппонентами – символистами» (Терехина 2010: 140). Отмечается особенность восприятия этих течений читательской аудиторией в начале XX века. Журналисты в своих публикациях порой смешивали футуризм с акмеизмом, основываясь на схожести установок. Например, это отразилось в фельетонах «обличителей модернизма» (Лекманов 2015: 194), называющих новые течения хулиганством. На общность образов у представителей футуризма и акмеизма – В.В. Маяковского и О.Э. Мандельштама – повлияла и обстановка эпохи модерна: ощущение «конца века», необходимость переоценки ценностей, утрата связи с Богом, поиск личного начала.

Объединяет В.В. Маяковского и О.Э. Мандельштама отход от романтических штампов, над которыми иронизировал и А.С. Пушкин. Они непосредственно связаны с символизмом. Сравним «дряблую луну» (Маяковский 1987, т. 1: 50) В.В. Маяковского (стихотворение «Адище города») и «не луну, а светлый циферблат» (Мандельштам 2017: 51) О.Э. Мандельштама с луной из романа в стихах Евгений Онегин, которая воспринимается как «замена тусклых фонарей» (Пушкин 1984: 68).

Михаил Вайскопф, цитируя в работе *Во весь логос: Религия Маяковского* стихотворение В.В. Маяковского «Адище города», говорит о необходимости уничтожения, наряду с солнцем, «никому не нужной, дряблой лунь» «сгнившего символизма» (Вайскопф 1997: 49). В данном стихотворении луна как представитель природного мира заменяется фонарями и становится ненужным небесным светилом. Отметим, что стихотворение О.Э. Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...», по утверждению В.С. Баевского, является поворотным пунктом в творчестве О.Э. Мандельштама от символизма к акмеизму (ср. Баевский 1990: 314). Согласно Л.Г. Кихней, в данных строках наблюдается «отрицательное тождество» (Кихней 2013: 135): луна замещается предметом по ассоциации – циферблатом.

Какие особенности отношения лирического героя и неба у О.Э. Мандельштама и В.В. Маяковского можно выявить, основываясь на схожести установок? Это трагизм, отсутствие коммуникации, враждебность неба как высших сил, рока (но не всегда Бога). Л.Г. Кихней в монографии *Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика* определила причину трагизма относительно лирики О.Э. Мандельштама следующим образом:

Трагедия отношений человека и неба заключается [...] в принципиальной несовместимости их масштабов, а также в ощущении роковой зависимости человеческого бытия от вселенских законов, которые кладут ему смертный предел. (Кихней 2013: 131)

Несомненно, эти слова можно отнести и к творчеству В.В. Маяковского: лирический герой конфликтует с небом, стремясь изменить иерархию (его самого и неба), возвыситься, «опредметить» небесные светила, уничтожить солнце, которое часто наделялось божественной властью.

Обратимся к образу неба. Четко соотносятся «палаческие черты» (Вайскопф 1997: 48) неба В.В. Маяковского и угрожающая пустота неба О.Э. Мандельштама. В обоих случаях небо отождествляется со смертью, роком, предопределенностью. У В.В. Маяковского это наблюдается в ранней лирике: например, крик лирического героя «Солнце! / Отец мой! / Сжался хоть ты и не мучай!» (Маяковский 1987, т.1: 49) («Несколько слов обо мне самом»), «звездные зубья» (Маяковский 1988, т. 1: 27), о которые ранится лирический герой («Флейта-позвоночник»), Млечный путь как виселица для лирического героя («Флейта-позвоночник»), «петля облака» (Маяковский 1984, т. 1: 47) (*Я*), луч-петля («Человек»).

Сравним с небом-пустотой О.Э. Мандельштама: небо, которое «падает, не рушась» (Мандельштам 2017: 29) («Я вижу каменное небо...»), – это пришествие небытия, то есть смерти, в мир. Это и мотив укола, образ звезды-заржавленной булавки, которая связывается с мифологией, античной богиней необходимости Ананке и ее веретеном-фатумом:

Что, если, вздрогнув неправильно,
Мерцающая всегда,
Своей булавкой заржавленной
Достанет меня звезда? (Мандельштам 2017: 54)

Сюда же относятся образы черного солнца и желтого солнца, которые непосредственно связаны со смертью. Воплощение смерти – и зеленая звезда, символ Петрополя в лирике О.Э. Мандельштама, сигнализирующий о смерти, трагедии (прослеживается связь и с Люцифером): «Прозрачная звезда, блуждающий огонь / Твой брат, Петрополь, умирает» (Мандельштам 2017: 103).

«Палаческий» образ встречается как у В.В. Маяковского, так и у О.Э. Мандельштама – это «звездный луч» (Мандельштам 2017: 122), сравнивающийся с «солью на топоре» (Мандельштам 2017: 122) («Умывался ночью на дворе...»). О.Б. Заславский в статье «Человек в страшном мире» выстраивает ассоциативный ряд: «обезглавливание – беда – соленый вкус крови» (Заславский 2014: URL). Еще один образ, связанный с казнью – небо-палица: «Небо как палица грозное, земля словно плешина рыжая...» (Мандельштам 2017: 177).

Итак, первый пункт-сходство – смертоносность неба, колкость звезд, связанная с казнью (у В.В. Маяковского эта связь очевиднее; у О.Э. Мандельштама прослеживается также связь мотива укола с предопределенностью судьбы).

Об одном интересном общем образе, связанном с распятием. Сравним два похожих отрывка:

Это душа моя ключьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни! (Маяковский 1987, т. 1: 49)

[...] И в пустоте, как на кресте,
Живую душу распиная,
Как Моисей на высоте,
Исчезнуть в облаке Синая. (Мандельштам 2017: 28)

В данных отрывках фигурирует общий образ – распятая на кресте душа лирических героев. Лирический герой В.В. Маяковского говорит об уже распятой душе. Картина, изображаемая В.В. Маяковским, более «неприглядная», чем у О.Э. Мандельштама: порванная туча, ржавый крест, ключья. Общий смысл – описание страдающей души человека, муки которого сильнее христовых, потому что душа Христа была спокойна, страдало тело; у лирического героя страдает душа. В отрывке из стихотворения О.Э. Мандельштама описана смерть, переход в небытие с помощью сравнения с распятием на кресте, то есть акцентируется мучительность смерти. Лирический герой О.Э. Мандель-

штама испытывает страх перед пустотой: «Я так боюсь рыданья Аонид, / Тумана, звона и зиянья!» (Мандельштам 2017: 115). Страх «исчезнуть в облаке Синая» (Мандельштам 2017: 28), возможно, связан со страхом Бога, о котором говорит М.Л. Гаспаров:

Самое сильное чувство — страх: страх любви («там — я любить не мог, здесь — я любить боюсь»), страх Бога («страшен мне подводный камень веры», «и тебя не любить мне позволю», «укор колоколов»), страх судьбы. (Гаспаров 2005: 330–331)

Упоминание имени Моисея говорит о предстоящем контакте с Богом: как известно, на горе Синай совершилась передача Богом Моисею Скрижалей.

Был ли знаком с этим стихотворением В.В. Маяковский, – сложно сказать. Можно предположить, что ответ утвердительный, так как В.В. Маяковский был знаком с О.Э. Мандельштамом, и на этом основании выделяется много перекличек в лирике этих поэтов. При этом заимствование было обоюдным. Так как стихотворение О.Э. Мандельштама «Мне стало страшно жизнь отжить...» написано не позднее 5 августа 1910 года, можно говорить о том, что именно его стихотворение стало образцом для похожих строк стихотворения В.В. Маяковского «Несколько слов обо мне самом», которое написано позже, в 1913 году.

Второй пункт-перекличка – болезненность неба. У В.В. Маяковского читаем: «...слов иступленных вонзаю кинжал / в неба распухшего мякоть» (Маяковский 1987, т. 1: 49). Распухшее небо можно соотнести с травмированной частью тела или же с мертвецом, то есть прослеживается мотив болезни или смерти. Это и духовная смерть: слово «жирный» почти всегда имеет отрицательную коннотацию. Можно соотнести словосочетание «распухшая мякоть» с тучным человеком (сравним с выражением «заплыть жиром»); напрашиваются такие характеристики, как тугодумство и лень, что, при применении такой интерпретации к образу неба, отсылает к его безотзывности и равнодушию. В этой характеристике неба – отсылка к образу выжившего лакея «на засаленной кушетке» (Маяковский 1988, т. 2: 5) в поэме «Облако в штанах». Это и образ мещанина в стихотворении «Вам!», думающего, «нажраться лучше как» (Маяковский 1987, т. 1: 59) и равнодушного ко всем происходящим в мире бедам. В лирике О.Э. Мандельштама фигурирует «болезненный и странный» (Мандельштам 2017: 34) мир пустоты, круг неба сравнивается с «недугом»

(Мандельштам 2017: 236), «Небо тусклое с отцветом странным – / Мировая туманная боль...» (Мандельштам 2017: 42). Слово «болезненность» связано с нездоровым, неестественным состоянием объекта.

Распухшая мякоть неба В.В. Маяковского – это и тучи. Подобный образ туч с негативной семантикой практически не встречается в лирике О.Э. Мандельштама, однако есть один пример в его переводе Жоржа Дюамеля («Ода нескольким людям»): «...лицо воспаленное туч / В промельке листьев березы» (Мандельштам 2017: 841).

Третий пункт – безотзывность неба. У В.В. Маяковского наблюдается игнорирование небом лирического героя: он называет небо кирпичом, который не слышит его «слов иступленных» (Маяковский 1987, т. 1: 49). На его зов оно не реагирует: «Вселенная спит, / положивши на лапу / с клещами звезд огромное ухо» (Маяковский 1988, т. 2: 24) («Облако в штанах»). У О.Э. Мандельштама небо также безотзывно, но ключевой характеристикой становится не сон небес, а их мертвенность, слепота и глухость: это «небо, мертвенней холста» (Мандельштам 2017: 34), «осиротелая и немая вышина» (Мандельштам 2017: 45), «слепые небеса» (Мандельштам 2017: 97). Небо пусто – это объясняет тишину в ответ на мольбы лирического героя. Вселенная сравнивается с «пустой урной» (Мандельштам 2017: 36) – сосудом для хранения праха умерших. О.Э. Мандельштам высказывает надежду на справедливость небес, на то, что они его услышат: «О небо, небо, ты мне будешь сниться; / Не может быть, чтоб ты совсем ослепло...» (Мандельштам 2017: 40).

Однако мотив глухоты неба можно встретить и у В.В. Маяковского: в стихотворении «Несколько слов обо мне самом» из цикла Я возникает образ выжженного неба, который можно трактовать следующим образом: в выжженном месте отсутствует жизнь, следовательно, ответа оттуда ждать не придется. Этот образ соотносится с пустотой О.Э. Мандельштама, которая глуха, потому что пустота, то есть небытие, есть ничто, это место, лишенное жизненных потенциалов. Также выжженность говорит о бесцветности неба.

Общим для В.В. Маяковского и О.Э. Мандельштама становится образ черного солнца. Он встречается в нескольких стихотворениях О.Э. Мандельштама (а также в прозе, например, «Скрябин и христианство»). Исследователями признается, что черное солнце связано со смертью через образ солнечного затмения во время распятия Христа (сюжет из Евангелия): померкнувшее солнце символизирует катаклизмы, смерть Бога, которая транслируется на человека. Черное солнце как символ смерти, связанный с еврейством, находим в стихот-

ворении «Эта ночь непоправима....» В стихотворении О.Э. Мандельштама Как «Этих покрывал и этого убора...» черное солнце связано с образом Федры и мотивом кровосмесительства (согласно мифу Федра полюбила своего пасынка Ипполита):

И для матери влюбленной
Солнце черное взойдет.
[...]
– Черным пламенем Федра горит
Среди белого дня.
[...]
Любовью черною я солнце запятнала! (Мандельштам 2017: 84)

Согласно А.Б. Мордвинову, черное солнце светит «над днем сегодняшним – солнце правды, черное солнце физиологической правды часа сего» (Мордвинов 1994: 103). Таким образом, черное солнце объединяет в себе мотивы смерти, греха, вины, инцеста, страшной правды.

Это и есть предназначение черного солнца – «оставаться навеки в зените страдания и славы» («Скрябин и христианство»), раз за разом открываясь людям в виде «сердца» все новых и новых человеческих катастроф. (Мордвинов 1994: 106)

Зашифрованный образ черного солнца отмечает у В.В. Маяковского в поэме «Владимир Ильич Ленин» Михаил Вайскопф в следующих строках:

Потолок / на нас / пошел снижаться вороном. / Опустили
головы – / еще нагни! / Задрожали вдруг / и стали черными /
люстр расплывшихся огни. (Маяковский 1988, т. 2: 289)
Ни солнца, / ни льдины слитка – / всё / сквозь газетное ситко /
черный / засеял снег. (Маяковский 1988, т. 2: 290)

Это «мотив солнечного затмения, природной катастрофы, сопутствующей смерти монарха» (Вайскопф 1997: 117) – Ленина. Черные огни люстр, заменяющих солнце (вспомним тему электрификации и солнцелюбства в лирике раннего В.В. Маяковского), черный снег – в данных строках, приводимых

в пример М. Вайскопфом, акцентируется символика черного цвета как цвета смерти. Черный снег – это газетные буквы, это известие о смерти вождя, это, в сочетании с отсутствием солнца, символ печали, катастрофы, апокалипсиса.

Вероятнее всего, и О.Э. Мандельштам, и В.В. Маяковский заимствовали образ черного солнца из Евангелия или язычества (согласно древним верованиям, черное солнце является представителем загробного мира).

Общее у рассматриваемых поэтов обнаруживается и в способе изображения звезд: это звезды, отвечающие за судьбы, и звезды, сравниваемые с деньгами (в них превращающиеся).

Звезды-судьбоносцы встречаются у В.В. Маяковского в поэме «Человек»: «Звезды! / Довольно / мученический плести / венок / земле!» (Маяковский 1988, т. 2: 81). Сравним эти строки с отрывками из стихотворений О.Э. Мандельштама:

И на пороге тишины,
Среди беспамятства природы.
Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы. (Мандельштам 2017: 117)

Там, в беспристрастном эфире,
Взвешены сущности наши –
Брошены звездные гири
На задрожавшие чаши [...]. (Мандельштам 2017: 37)

Звезды в цитируемых строках, как и у В.В. Маяковского, имеют связь с судьбой. В первом случае они – управляющие человеческими жизнями. Не случайно в этом же стихотворении упоминаются «созвездья Зодиака» (Мандельштам 2017: 117). Во втором случае можно увидеть отсылку к Страшному Суду: жизни людей взвешиваются. Также исследователи (в частности, Л.Г. Кихней) при анализе образа звезд отсылают к античной мифологической модели, согласно которой на небе живет богиня необходимости Ананке, держащая вращающееся веретено (ср. Кихней 2013: 132–133). Отсюда – мотив укола, образ звезды-булавки как символ неотвратимости рока (ср. укол веретеном как причина смерти в сказках разных народов, в том числе и русских; также вспомним греческую мифологию: мойра Клофо прядет нить жизни, Лахесис наматывает эту нить на веретено, Атропос перерезает нить, то есть отвечает за смерть). Так, образ звезд, связанный с судьбой, у данных поэтов имеет отношение к астрологии и мифологии и является традиционным для лирики в целом.

Еще один традиционный поэтический образ – звезды-монеты. У О.Э. Мандельштама этому посвящено целое стихотворение: «Я хочу поужинать, и звезды / Золотые в темном кошельке!» (Мандельштам 2017: 48). У В.В. Маяковского находим образ звезд, ассоциирующихся со сребрениками, которые получил Иуда за предательство Христа:

Видите –
небо опять иудит
пригоршню обрызганных предательством звезд?
(Маяковский 1988, т. 2: 18)

Заметим, что цвет звезд В.В. Маяковский таким образом определяет как серебристый, а не золотой, как О.Э. Мандельштам.

Так, образ неба у В.В. Маяковского и О.Э. Мандельштама сложился под влиянием общего мировосприятия, основанного на отвержении символистского мировоззрения, благодаря ориентированию на Евангелие и мифологию, а также традиционные поэтические образы. Анализ образа неба позволяет обнаружить преемственность между модернизмом и авангардизмом.

Библиография

- Аверинцев, С.С. (2011): «Судьба и весть Осипа Мандельштама» // *Аверинцев и Мандельштам: Статьи и материалы* / Под ред. Мамедовой. – Москва. С. 37–119.
- Баевский В.С. (1990): «Не луна, а циферблат (Из наблюдений над поэтикой О. Мандельштама)» // *Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама* / Под ред. Ласунского [и др.]. – Воронеж. С. 314–322.
- Вайскопф, М. (1997): *Во весь логос: Религия Маяковского*. – Москва.
- Гаспаров, М.Л. (1995): «Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама» // *М.Л. Гаспаров. Избранные статьи*. / Под ред. Прохоровой/Панова. – Москва. С. 327–370.
- Заславский, О. (2014): «Человек в страшном мире (о стихотворении О.Э. Мандельштама «Умывался ночью на дворе...»)» // *Toronto Slavic Quarterly* (49), http://sites.utoronto.ca/tsq/49/tsq49_zaslavskii.pdf (дата обращения: 18.04.2021).
- Кихней, Л.Г. / Меркель, Е.В. (2013): *Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика*. – Москва.

- Лекманов, О. (2015): «Акмеизм VS. футуризм в 1913 году (по материалам российской прессы)» // *«Слово как таковое»: Юбилейный год русского футуризма: Материалы международной научной конференции (Женева, 10–12 апреля 2013)* / Под ред. Жаккара / Морара. – Санкт-Петербург. С. 194–203.
- Мандельштам, О. (2017): *Полное собрание поэзии и прозы в одном томе.* – Москва.
- Маяковский, В.В. (1987): *Сочинения в двух томах*, т. 1. – Москва.
- Маяковский, В.В. (1988): *Сочинения в двух томах*, т. 2. – Москва.
- Мордвинов, А.Б. (1994): «Сюжет черного солнца в творчестве О. Мандельштама» // *Человек. Культура. Слово: Мифопоэтика древняя и современная* / Под ред. Степановой. – Омск. С. 84–131.
- Пушкин, А.С. (1984): *Евгений Онегин. Роман в стихах.* – Москва.
- Терехина, В.Н. (2010): «Русский футуризм: становление и своеобразие» // *Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика* / Под ред. Гирина. – Москва. С. 139–207.

Open Access

This paper is published under the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International license (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>). Please note that individual, appropriately marked parts of the paper may be excluded from the license mentioned or may be subject to other copyright conditions. If such third party material is not under the Creative Commons license, any copying, editing or public reproduction is only permitted with the prior consent of the respective copyright owner or on the basis of relevant legal authorization regulations.